

ВЕЧЕРНЯЯ МОУНЬ  
Москва

14 СЕН 1985

## Наши публикации

Вот уже четвертый год издается литературно-художественный альманах «Современная драматургия». Скоро увидит свет 3-й номер «Современной драматургии». Его читатели познакомятся с пьесами И. Горючавы и П. Хотяновского — «День победы среди войны», В. Раздольского — «В кольце тишины», О. Сосина — «Средь

шумного бала», Л. Жуховицкого — «Последняя женщина сеньора Хуана», С. Михалкова — «Конфликт», и другие. Предлагаем вниманию читателей путевые впечатления главного режиссера Театра имени Ленинского комсомола М. Захарова о гастролях московского коллектива во Франции. Печатается с сокращениями.

## ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ

Марк ЗАХАРОВ,

главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола

1.

По-французски «Place de la Concorde». Рядом с этой центральной площадью Парижа располагается «Эспас Карден» («Пространство Кардена») — своеобразный эстетический и деловой центр знаменитой фирмы, возглавляемой Пьером Карденом, — одним из мировых законодателей мужской моды. Здесь расположен ресторан, выставочный и просмотровый залы и, наконец, мест на пятьсот с небольшим театрик, перестроенный архитекторами из старинного, когда-то существовавшего на этом месте театра «Амбасадор».

Театр Кардена по нынешним меркам не слишком удобный, но достаточно уютный, в его фойе висят афиши всех побывавших в нем гастролеров, — внушительная галерея громких имен. Стены в фойе в большинстве застекленные, отсюда открывается вид на красивейшую зеленую магистраль Парижа — знаменитые Елисейские поля. Здесь и состоялись полуторамесячные гастроли Московского театра имени Ленинского комсомола с музыкальным спектаклем «Юнона и Авось», сочиненным поэтом Андреем Вознесенским и композитором Алексеем Рыбниковым.

Об этом событии сообщили парижанам красочные афиши с изображением прыгающего артиста Абдулова со счастливой улыбкой и факелом в руке.

На сцене «Эспас Карден» факел пылал ослепительно, и спектакль шел с большим и все возрастающим успехом.

Помню особое волнение перед первым спектаклем, знаю, что иногда умею взбодрить коллектив, поднять его нервный тонус, но перед первым парижским спектаклем я, очевидно, от волнения перестарался. Конечно, я вспомнил слова Суворова, которые он всегда якобы произносил перед штурмом неприятельского города, конечно, громко, одушевляясь, выкрикнул слово «Солдаты!..». Я помню, что воодушевил людей настолько, что не все сумели произнести свой текст! Владимир Ширяев на этом первом спектакле вместо длинного монолога, объясняющего, почему и зачем надо плыть Резанову в Америку, сумел только после неко-

3.

провожали нас продолжительными аплодисментами и восторженными возгласами. А вскоре мы пели уже вместе с американскими артистами финальную песню из «Юноны и Авось».

Стали мы свидетелями и «политической демонстрации». Конечно, не «ах», не первой свежести — ни по количеству, ни по качеству. Пришло человек десять, потупясь, с пространными лозунгами ко входу в театр: мы, помнится, воспряли духом, хотя (тут мнение общее) демонстранты выглядели вялыми. Откровенно ленились, как-то неуверенно топтались на месте, поглядывали на часы. Наверное, оплата у них была все-таки не аккордная, а почасовая, и они довольно формально отработывали организованное кем-то мероприятие. Даже ничего сказать нам не сумели, когда мы проследовали мимо них в свой автобус.

Зато у двух молодых французов, только что посматривших наш спектакль, демонстранты вызвали большой интерес и последующий прилив энергии. Наши почитатели породавали нас обилием сленговых выражений, с которыми они стали вырывать из рук демонстрантов антисоветские лозунги, бросать их на землю и яростно топтать. Мы молча наблюдали за решительными действиями наших зрителей, одобрително комментируя лишь самые удачные силовые приемы. Среди демонстрантов, в целом вяло реагирующих на бурный натиск двух молодых французов, слышались иногда отдельные русские возгласы.

Мы увидели в Париже все то, что уже так хорошо описано другими людьми, побывавшими здесь до нас.

Тем не менее мы тщательно осмотрели уникальные музеи, соборы, ансамбли Версаля, Шартра, Латинский квартал, Большие бульвары, Монмартр, лавки букинистов... Побывали также на очень красочных и изобретательно поставленных шоу в эстрадных театрах: «Фолибержер», «Мулен Руж», «Лидо». Нас поразило обилие лазеров, дымов, разного рода световых эффектов, богатых костюмов, живых слонов, дрессированных дельфинов, прыгаю-

2.

торого замешательства выкрикнуть: «Плывите, и все!».

Пьер Карден сумел придать нашим гастролям, помимо всего прочего, и характер важного политического события в культурной жизни французской столицы. Идея взаимопонимания и культурного контакта между двумя континентами волнует сегодня французов. Так же, как и другие европейские народы, они кровно заинтересованы в том, чтобы между Россией и Америкой установились отношения дружбы и взаимопонимания, — то, к чему так стремился отважный герой поэмы Андрея Вознесенского еще в начале прошлого столетия.

В одно время с нами в Париже гастролировал американский музыкальный театр, игравший эстрадное шоу на темы сочинений Дюка Эллингтона, и Пьер Карден сумел, используя это совпадение, организовать эффектную встречу обоих коллективов. Сначала на парижской площади Согласия. Мы приехали туда в одно и то же время с разных концов города, и под восторженные вспыхи многочисленных фоторепортеров фотографировались все вместе у знаменитого обелиска.

В этот же день Карден организовал прием для двух гостивших в Париже театров. В «Эспас Карден» было шумно и весело. Американцы пели для нас, мы для них. Накануне мы были на их музыкальном спектакле, и очень высоко оценили технический уровень артистов из США. Они — первоклассные певцы и танцоры, соревноваться с ними драматическим актерам, конечно, бессмысленно. С точки зрения здравого смысла. Но искусство наше замешано не на нем одном. На приеме первыми с концертными номерами выступили американцы. Однако ленкомовцы не дрогнули, они усилили свои ряды работниками постановочной части, звуко-режиссурой, режиссурой и дирекцией. Среди них не все умели петь, но... голоса неожиданно прорезались, и мы взяли экстазом, напором и всеми оставшимися в нашем распоряжении достоинствами, которых у нас немало.

Присутствующие на приеме гости Кардена и многочисленные журналисты

4.

щих, на зависть Абдулову, прямо с толчка, обхвачен пламенем каскадеров, обрушилось на нас и множество других ослепительных неожиданностей.

Противоречивые чувства посетили нас в Париже достаточно часто. Например, в метро. Не очень приятная (точнее, непривычная для нас) традиция — побирающаяся молодежь. Правда, лица у ребят, как правило, обаятельные, глаза смысленные, заходят по очереди в каждый вагон с музыкальными инструментами и играют. Как нам потом объяснили, это в основном студенты готовятся к сессии. Как бы репетируют и попутно зарабатывают на кофе, а некоторые еще и на сэндвичи. Играют не только в вагонах, но и в подземных переходах, кассовых вестибюлях. Играют прилично, иногда даже виртуозно. Никакой разнузданности и оглушительности. Все очень чинно, благородно, осмысленно. Никакого эстрадного засилья.

В парижском метро музыка звучит разная. Очень запомнились мне две девочки лет по четырнадцать. Стояли в переходе перед пюпитрами, одна с флейтой, другая со скрипкой, и приучали людей к хорошей классической музыке. Кто хотел — бросал им под ноги монеты...

Словом, везде в Париже нам было интересно, неинтересно было только в парижских театрах. Раз за раз ходили мы смотреть спектакли, которые наши французские друзья рекомендовали нам посмотреть как наиболее интересные, и каждый раз уходили в антракте. Дружно и не сговариваясь. Те наилучшие спектакли в Париже, которые мы видели, в значительной степени уступали наилучшим московским, ленинградским, тбилиским и другим советским спектаклям.

...Мне кажется, мы многому научились в этих гастролях, опробовали какие-то новые для себя профессиональные навыки, приобрели полезные качества и испытали радость особого коллективного единства и единения. Мы совершили большую полезную работу в непривычных для нас экстремальных условиях.